

© И. А. Головнев, Е. В. Головнева

«ВИЗУАЛЬНЫЙ АТЛАС КОНФЕССИЙ»: (АНТИ)РЕЛИГИОЗНАЯ ПРОПАГАНДА И КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ В НАУКЕ И КИНЕМАТОГРАФЕ 1920–1930-Х ГГ.

В статье рассматриваются визуально-антропологические источники — кинодокументы, имевшие антикатолическую направленность, в контексте проведения визуальной пропагандистской политики СССР в период «культурной революции». Отмечается, что важной задачей в научном изучении конфессий СССР в раннесоветский период был поиск форм визуальной фиксации религиозных сюжетов, в том числе, — в направлении визуально-религиозного картографирования — для наглядной трансляции состояния религиозности среди населения многонационального Союза, что было предпринято ленинградскими учеными. В частности, в 1920–1930-е гг. Л. Г. Брандтом в рамках антирелигиозной экспедиционной работы была реализована серия этно-религиоведческих исследований среди католиков. В то же время, параллельно с проведением научных изысканий, происходила разработка визуальных подходов конструирования образов католичества средствами художественного кинематографа («Праздник святого Иоргена», «Овод», «Крест и маузер», «Лесная быль», «Голубой экспресс»). Наиболее показательной среди киноработ эпохи являлась художественная картина «Праздник святого Иоргена» (1930) Я. Протазанова, в которой режиссер не только использовал новаторские кинематографические приемы, но и в занимательной для зрителя форме последовательно выстраивал линию антиклерикальной сатиры. В статье выделяются образы католической церкви, продуцируемые картиной Я. Протазанова, а также представлена оценка и критика этого фильма по материалам безбожной прессы («Антирелигиозник», «Безбожник»). Делается вывод о корреляции в развитии знания между учеными, пропагандистами и кинематографистами в вопросе (анти)религиозной пропаганды в 1920–1930-е гг. и постепенном переходе от научно-исследовательской экспедиционной работы (в академической деятельности) и художественной рефлексии (в области кинематографии) к развертыванию классовой борьбы с конфессиями.

Ключевые слова: антропология религии, визуальная антропология, антирелигиозная пропаганда в СССР, антирелигиозный фильм, католичество, кино-документ, культурная революция

Головнев Иван Андреевич — д. и. н., ведущий научный сотрудник, Центр арктических исследований, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, (Российская Федерация, 199034 Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 3). Эл. почта: golovnev.ivan@gmail.com ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4866-7122>

Головнева Елена Валентиновна — д. философ. н., профессор кафедры культурной антропологии и этнической социологии, Санкт-Петербургский государственный университет (Российская Федерация, 191124 Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3, 9-й подъезд). Эл. почта: golovneva.elena@gmail.com ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0709-4615>

* Исследование выполнено по гранту Российского научного фонда (проект № 25-28-00277 «"Визуальный атлас конфессий": (анти)религиозная пропаганда в СССР в 1920–1930-е гг.»).

Ссылка при цитировании: Головнев И. А., Головнева Е. В. «Визуальный атлас конфессий»: (анти)религиозная пропаганда и католическая церковь в науке и кинематографе 1920–1930-х гг. // Вестник антропологии. 2025. № 4. С. 108–124.

UDC: 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2025-4/108-124

Original article

© Ivan Golovnev and Elena Golovneva

“VISUAL ATLAS OF FAITHS”: (ANTI) RELIGIOUS PROPAGANDA AND CATHOLIC CHURCH IN SCIENCE AND CINEMA OF THE 1920s–1930s.

The paper considers visual and anthropological sources and examines anti-Catholic movie documents from the USSR’s “cultural revolution” in the context of its visual propaganda policy. An important issue in the scientific study of confessions in the USSR during the 1920s and 1930s was the search for possible forms of their visualization. Religious cartography, in particular, became an important method for studying the religiosity of the population of the Union, undertaken by Leningrad scientists. Ethnographic and religious studies of Catholics were carried out in the 1920s and 1930s as part of anti-religious expeditions directed by L. G. Brandt. Alongside scientific research during this period, visual means of constructing images of Catholicism were developed (St. Jorgen’s Day, Gadfly, The Cross and the Mauser, Forest Past (Lesnaya byl), Blue Express). The most indicative among the film documents of the era was the feature film St. Jorgen’s Day (1930) by Yakov Protazanov, who not only used innovative cinematic techniques, but also built a line of anticlerical satire in an entertaining form. The article also analyses the images of the Catholic Church, produced by Protazanov’s film, and presents assessments and criticisms of this film based on the materials of the antireligious press such as Anti-Religious and Atheist. The article concludes that scientists, propagandists, and filmmakers developed their anti-religious propaganda in parallel in the 1920s and 1930s, gradually transitioning from research and artistic reflection to class struggle against faith.

Keywords: anthropology of religion, visual anthropology, anti-religious propaganda in the USSR, anti-religious film, Catholicism, film document, cultural revolution

Authors Info: Golovnev, Ivan A. — Doctor of History, Leading Researcher, Center for Arctic Studies, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: golovnev.ivan@gmail.com ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4866-7122>

Golovneva, Elena V. — Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Cultural Anthropology and Ethnic Sociology, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: golovneva.elena@gmail.com ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0709-4615>

For citation: Golovnev, I. A., and E. V. Golovneva. 2025. “Visual Atlas of Faiths”: (Anti) religious Propaganda and Catholic Church in Science and Cinema of the 1920s–1930s. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 4: 108–124.

Funding: The study was supported by the Russian Science Foundation, No. 25-28-00277, <https://rscf.ru/project/25-28-00277/> “Visual Atlas of Faiths”: (Anti)religious Propaganda in the USSR in the 1920s–1930s.

В рамках изучения визуальной пропаганды в СССР в 1920–1930-е гг. особый интерес представляют киноленты антирелигиозной направленности. К началу 1930-х гг. в их число входили такие художественные фильмы, как «Бегствующий остров», «Бог войны», «Дочь святого», «За монастырской стеной», «Иуда», «Опиум», «Разбитые боги», «Сектанты», «Старец Василий Грязнов» и др. В период культурной революции эти фильмы воспринимались как инструмент освобождения населения от религиозных суеверий и выступали живой и эффективной формой идеологического воздействия на верующих.

Параллельно с созданием фильмов на антирелигиозную тематику в 1920–1930-е гг. осуществлялись научно-теоретические поиски в академической и музейной среде: была развернута экспедиционная антирелигиозная работа, обсуждались вопросы визуализации религиозных групп среди ученых, создавались антирелигиозные музеи¹, проводились антирелигиозные выставки. Теоретические поиски в области организации визуальной антирелигиозной пропаганды в СССР получили развитие в периодике и безбожной литературе конца 1920–начала 1930-х гг. — «Антирелигиозник», «Безбожник», «Безбожник у станка» и др. (Головнева 2023). На страницах этих изданий, в том числе, дискутировались вопросы проведения грамотной антирелигиозной борьбы среди различных конфессий Союза.

Предметом данной работы является выявление и анализ кинодокументов, имевших антикатолическую направленность, в контексте визуальной пропагандистской политики СССР в период «культурной революции». Для оценки информационного потенциала киноматериалов, касающихся разоблачения «вредной» сущности католической веры в 1920–1930-е гг. в СССР, в первую очередь, обозначим общую ситуацию в отечественных научных исследованиях, связанную с изучением религиозности среди католиков в указанный период.

Научно-исследовательская работа и католический вопрос в 1920–1930-е гг.

Важной задачей национальной политики большевиков являлось установление контроля над всеми народами и конфессиями бывшей Российской империи, включение их в революционный процесс и обеспечение их активного участия в социалистическом проекте (Hircsh 2005: 5). Атеистическое просвещение верующих и антирелигиозная пропаганда среди этно-конфессиональных сообществ в 1920–1930-х гг. считались важнейшими задачами культурного строительства. В свою очередь, антирелигиозники-пропагандисты, при содействии местных администраций, интересовались этнографическим и краеведческим изучением религиозных групп, проживающих на пограничных (фронтовых) территориях.

Особое внимание в этом вопросе уделялось католикам и лютеранам. Католицизм и лютеранство — две крупные религиозные системы Запада — являлись в молодом советском государстве религиями национальных меньшинств. Католицизм был распространен среди польского, литовского, латгальского и отчасти немецкого насе-

¹ К началу 1930-х гг. в СССР появилось 35 антирелигиозных музеев.

ния; лютеранство — среди большей части немецкого, эстонского, латышского и финского. В 1920–1930-е гг. группы католиков и лютеран проживали преимущественно в Северо-Западном регионе¹, Поволжье, Северном Кавказе, Украине и Белоруссии.

Идентичность католиков и лютеран в СССР во многом базировалась на приверженности немецкой национальной религии и поддержании немецкой культуры. С одной стороны, католики были относительно легким объектом для антирелигиозных преследований: в основном это городское население, численность их сравнительно невелика, родственники у многих жили за границей (Шкаровский и др. 1998: 5). С другой стороны, в отличие от конфессий Востока, где дело осложнялось племенными и архаичными культурами, традиционным общественным порядком, католики и лютеране в СССР отличались достаточно высоким уровнем образования и рассматривались властью как социум со специфическим характером усвоения революционной идеологии, требующим дифференцированного подхода в проведении антирелигиозной агитации².

В ходе развернувшихся в конце 1920-х гг. специальных партийных совещаний по вопросам антирелигиозной пропаганды среди национальностей, деятельность религиозных организаций католиков и лютеран упоминалась особенным образом. Так, в докладе М. Кобецкого в 1931 г., посвященном итогам антирелигиозной работы в различных регионах СССР, сообщалось, что религиозные организации среди католического и лютеранского населения продолжали при советской власти осуществлять активную деятельность по подготовке интервенции, а отдельные (довольно многочисленные) представители вели прямую шпионскую работу. В фокусе внимания Союза воинствующих безбожников (СВБ) находились польские ксендзы, которые подозревались во всевозможном причинении препятствий процессам советизации (Кандидов 1930: 4), а также в культивировании идеи «великой Польши». Пропагандисты на местах также сообщали, что белорусские и украинские служители католического культа часто использовали конфессиональные различия для расслоения трудящихся по религиозному признаку для замедления их советизации. Эту задачу, только с некоторым изменением содержания пропаганды, ставили перед собой также немецкие, латышские, латгальские и армянские служители католической церкви (Кобецкий 1931: 23).

Изучение религиозной ситуации среди католиков и лютеран в 1920–1930-х гг., их степени вовлеченности в процессы советизации, среди прочего, было связано с подго-

¹ Специфика Северо-Запада как пограничного региона, к примеру, традиционно состояла в высоком удельном весе европейских диаспор и соответственно в значительном числе последователей инославных конфессий. Католическая община занимала свою уникальную нишу в жизни региона, находясь на третьем месте после православной и лютеранской, непрерывно и поступательно развиваясь в 1918–1922 гг. На псковской земле до 1940 г. проживало 12,6 тыс. латышей и свыше 12 тыс. эстонцев; латышское и эстонское население селилось колониями и было сосредоточено в городах Псков, Великие Луки, в Псковском, Холмском, Торопецком, Пороховском и др. уездах. (Козлов-Струтинский 2008; Токарева 2023).

² В этом отношении интересна, в частности, заметка в газете «Псковский набат», повествующая о необходимости осторожного, планомерного подхода в реализации атеистических идей в приграничных районах с разнообразным этноконфессиональным населением: «Лучшая пропаганда против бога — это совсем не говорить о нем, а если и говорить, то не называть его по имени. Вместо него говорить о молнии, землетрясениях, огнедышащих горах и т. д. Не спорить о том, чего нет и не отнимать того, что есть у верующего, а лучше всего давать ему, чего у него нет... Лучше всего действовать в обход. После небольшого спора о религии лучше всего перейти к целому циклу лекций по естественным и общественным вопросам, и здесь нам на помочь может прийти учитель, врач, агроном и т. д. Вот самая надежная и верная тактика» (К. В. 1922: 2).

товкой к переписи населения 1937 г. и составлением т. н. «религиозно-бытовых карт», осуществляемых академическими исследователями (Маторин 1934). Над созданием «карты религий СССР» работала, в том числе, группа ленинградский ученых под руководством Н. М. Маторина (1898–1936), который с 1928 по 1934 гг. в Ленинграде являлся главным организатором в области религии: с 1930 г. был директором Музея антропологии и этнографии РАН, с 1931 г. руководил кафедрой истории религии Ленинградского университета, а затем отделением по истории религии Ленинградского института истории, философии и лингвистики (ЛИФЛИ), принимал участие в организации Антирелигиозной выставки в 1930 г. и создании в 1932 г. Музея истории религии АН СССР. Н. М. Маторин отмечал: «Религиозно-бытовая карта должна дать нам как бы дислокацию сил нашего врага. На ней мы должны нанести церкви, часовни, мечети, священные колодцы, камни, мольбища всякого рода и т. д. На той же или на особой карте мы должны иметь и культурные учреждения своего района, как живой противовес деятельности церковников и сектантов. Религиозно-бытовые карты должны быть, как нам кажется, во всех организациях СВБ, снизу доверху» (Маторин 1930: 44).

Научная секция Маторина в конце 1920-х — начале 1930-х гг. развернула масштабную научно-исследовательскую работу по изучению степени религиозности отдельных слоев населения в СССР и процессов отмирания религий в период «социалистической реконструкции». С сентября 1934 г. группа Маторина перешла «под крыло» Музея истории религии АН СССР и стала называться «Секцией по изучению религий народов СССР» (Шахнович 2013). В работе секции принимали участие ряд этнографов, археологов, историков, которые изучали проблемы религии в регионах Союза (шаманские культы северных народностей, буддизм, религии народов Волжско-Камского края, Севера). Получили развитие экспедиции антирелигиозников — и как метод получения информации для организации СВБ, и как непосредственное орудие научного исследования в разрешении ряда актуальных теоретических вопросов (прежде всего, вопроса о социальных корнях религии в данный период), определяющих стратегию и тактику безбожного движения в целом.

Как отмечал руководитель научно-исследовательской секции СВБ Л. Дунаевский, основная задача организации антирелигиозных экспедиций в 1920–1930-е гг. — составление четкого плана, включенного во вторую культурную пятилетку, с тем расчетом, чтобы объединить работу различных научных учреждений, группирующихся возле Академии наук и Комакадемии, по изучению религиозных пережитков (главным образом у окраинных народностей СССР), по изучению отхода масс от религии на почве их социалистического перевоспитания в условиях строительства бесклассового общества, по изучению наиболее эффективных и дифференцированных методов и приемов безбожной работы (Дунаевский 1932: 458). Так, в 1931 г. из Ленинграда на месячный срок в районы лесозаготовок бывших Лодейнопольского, Череповецкого и Псковского округов было отправлено 8 безбожных бригад (по 2–3 человека в каждой), которые собирали сведения о состоянии религиозности немцев, финнов, латышей, эстонцев Ленинградской области и о деятельности сектантов и лютеранских пасторов. На них же была возложено и проведение антирождественской, и антипасхальной кампаний (Брандт 1931б).

Вопросы религиозной ситуации в 1920–1930-е гг., в том числе религиозного картографирования, среди католиков и лютеран в рамках научно-исследовательской секции СВБ в г. Ленинграде курировал один из разработчиков религиозно-бытовых карт Л. Г. Брандт (1884–1942) — автор ряда трудов по антирелигиозному движению

в СССР и методики антирелигиозного воспитания в журналах «Антирелигиозник», «Просвещение», впоследствии — коллaborационист и заместитель бургомистра г. Витебска. По его словам, «религиозно-бытовые карты наглядно демонстрируют с одной стороны, состояние сил нашего врага и его методы работы, с другой, — рост безбожных ячеек с краткой характеристикой их разоблачительной работы... Краткая характеристика района, представленная на карте, показывает, что главным нашим врагом в настоящий момент является сектантство, так как развал православия, и отчасти лютеранства, укрепляет его позиции» (Брандт 1931а: 21).

В 1931 г. под руководством Л. Г. Брандта была проведена антирелигиозная экспедиция НИО ЦС СВБ в бывшие немецкие колонии Украины (районы Одессы): Зельцкий (католический) и Спартаковский (преимущественно лютеранский). Участники экспедиций проживали исключительно в религиозных семьях, что облегчало наблюдение, беседы и расспросы. И хотя существовали определенные обстоятельства, затруднявшие экспедиционную работу (крайне слабое знание студентами немецкого языка, совпадение второй половины времени работы с уборочной кампанией; невозможность пользования перевозочными средствами для поездок по району и др.), антирелигиозная экспедиция, на основании собранных материалов, позволила выявить некоторые существенные моменты в католическом вопросе.

Прежде всего, как отмечал Брандт, антирелигиозной работе среди католиков и лютеран уделялось не так много внимания, как это необходимо, имея в виду наличие в этих районах заграничных влияний. По его мнению, лютеранские священнослужители в 1920-е гг. проявляли наибольшую активность в деле организации кулацких восстаний, тогда как католическая церковь занималась главным образом шпионской работой — установлением через посредников связи между белогвардейскими армиями и зарубежными капиталистами. В 1931 г. служители католической церкви в районах Украины и Белоруссии, по материалам Бранда, саботировали коллективизацию при помощи находившихся под их влиянием женщин, устраивали т. н. «бабы бунты», производили «обмен пасторами», вели проповеди на различных языках.

Одновременно происходила актуализация верований и ритуальных практик среди католиков и лютеран — усиление и популяризация культа святой Терезы; появление среди католиков союзов христианской молодежи; высшего церковного совета (Оберкирхенрат), построенного на началах национальной федерации немецкой, латышской, эстонской и финской секций (Брандт 1932: 161); организация, наряду со «свободной церковью», лютеранских сект — «пляшущих братьев» (Tanzbruden) в Поволжье, «крестильеров» (Kreuzler) в Сибири, которые организовывали особые религиозные артели, противостоящие колхозам. Происходило и сближение конкурирующих между собой религиозных организаций — лютеранства и баптизма (Брандт 1931в: 108). В республиках немцев Поволжья, в немецких районах Украины, по сообщению Брандта, лютеранская церковь внушала верующим мысль о том, что лютеранство — немецкая национальная религия и что живейшей задачей лютеранина является забота о поддержании «немецкой культуры» и связи с немецким «отечеством» (Брандт 1931в: 163). При этом католицизм демонстрировал большую степень приспособляемости к современным условиям, нежели лютеранство, что диктовало задачу поиска различных методов борьбы с той и с другой религиозной системой.

В целом, Брандт сообщал о гигантском сдвиге, произшедшем в советской немецкой деревне по сравнению с дореволюционной, в результате чего свыше 50%

населения отошли от религии¹. К числу успехов на антирелигиозном фронте он, в частности, относил деятельность в начале 1930-х гг. ленинградской совпартшколы, которая занималась безбожной работой и имела пять национальных секторов: немецкий (Ленобласть, Сев. Кавказ, Немреспублика, Крым), латышский (Ленобласть, Зап. область, Сибирь, Сев. Кавказ), эстонский, финский и вепсо-ижорский (Ленобласть, Карелия). Совпартшкола предполагала трехлетний курс обучения и была нацелена на повышение антирелигиозной квалификации курсантов основных ее отделений. Курсанты совпартшколы обследовали степень и характер религиозности нацменовского населения, налаживали антирелигиозную работу на местах, проводили антирелигиозные беседы (Брандт 1931б). В заключении своих отчетов Л. Брандт сообщал о том, что «нужно растущее безбожие закрепить, нужно противопоставить проповеди ксендза и пастора глубоко продуманную религиозную работу и, главное, вести ее не шаблонно, а дифференцированно, учитывая национальные и религиозные особенности каждого края» (Брандт 1932: 163).

Кинематографическая презентация католической церкви в раннесоветском кино

Параллельно с проведением научно-исследовательской работы в области изучения религиозных групп СССР осуществлялись теоретические разработки в сфере развития агитационного массового искусства (Головнев 2021). В 1930 г. идеолог антирелигиозной политики в СССР Е. М. Ярославский отмечал: «У церковной организации на двенадцатом году Октябрьской революции имеется примерно 45 тысяч молитвенных зданий, прекрасных аудиторий, хорошо обставленных, так как надо помнить, что обстановка религиозной аудитории воздействует на психику очень сильно... позолота, иконы, ладан, пение, музыка, — все тонко разработано... Мы имеем перед собой веками укреплявшуюся религиозную организацию, держащую в своих сетях, в этих церквях миллионные массы» (Ярославский 1930: 79). Учитывая это, по мнению антирелигиозников, ключевое внимание необходимо было уделить использованию искусства для «уловления душ» (Любимов 1930), применению художественных форм работы в антирелигиозной пропаганде и, в первую очередь, развитию кинематографа.

Кино, с самого начала своего возникновения, было самым популярным искусством, способным быстро и наглядно доносить нужные идеи до зрителя. Один из ближайших соратников В. И. Ленина, В. Д. Бонч-Бруевич писал в своих воспоминаниях, что вождь пролетариата придавал большое значение документальному кино в антирелигиозной пропаганде, в частности, киносъемке при вскрытии т. н. «нетленных мощей»: «Показать, какие именно были «святыни» в этих богатых раках и к чему так много веков с благоговением относился народ, — этого одного достаточно, чтобы оттолкнуть от религии сотни тысяч людей» (Бонч-Бруевич 1969: 122). По словам журналиста Бориса Зильпера: «Кино не забава, не игра, не развлечение, а мощное дальнобойное орудие. Кино это — борьба за человека, за мысль, за волю, за действие» (Зильперт 1926). Антирелигиозник Н. Шагурин отстаивал необходимость создания антирелигиозного

¹ В 1931 г. в Ленинграде была опубликована книга Л. Брандта «Лютеранство и его политическая роль», в издательстве «Кирья» были изданы антилютеранские брошюры на финском языке «Темные силы» Ю. Савойланена, «Как финское духовенство «строит» социализм» и «Боритесь против празднования рождества» К. Винто. На финский и другие языки были переведены антирелигиозные сочинения Е. Ярославского.

художественного, «идейно выдержанного фильма, сделанного без вычурности и исканий, но и без упрощенчества и примитива» (Шагурин 1930: 8).

Известно, что новое «пролетарское» кино 1920-х гг. с особым энтузиазмом взялось прежде всего за дискредитацию образа православной церкви. В то же время сатирическому киноизображению подверглось также католическое духовенство и набожный человек как таковой, поскольку антирелигиозная кампания касалась всех конфессий. В газете «Безбожник» отмечалось, что католическая церковь придирается к любому поводу (рождение, погребение, озnamенование начала и окончания работы, проигранное пари и пр.), чтобы приурочить к нему «религиозное одурманивание» (Л. К. 1930). В антирелигиозных фильмах 1920-х гг. католическая церковь также, как и остальные, выставлялась деструктивным элементом и врагом молодого советского государства в совершенно карикатурном виде. В этом контексте, на протяжении 1920-х гг., был создан ряд кинокартин, высмеивающих католичество или элементы католического культа — «Овод», «Праздник святого Йоргена», «Голубой экспресс», «Лесная быль», «Крест и маузер».

Например, фильм «Овод» (Госкинпром Грузии, 1928, режиссер — К. Марджанов), поставленный по одноименному роману Войнич, рассказывал историю личности Овода, отцом которого оказался кардинал, подписавший смертный приговор сыну за его участие в революционном движении против неограниченной власти кардиналов и против могущества церкви.

Фильм «Крест и маузер» (Госкино, 1925, режиссер — В. Р. Гардин) — это история о провокационной и шпионской деятельности католических священников, в которой по сюжету ксендз Иероним добивается звания епископа. Он ведет двойную игру и прикидывается другом советской власти. Разоблаченный, он отрекается от духовного звания и сознается в своих преступлениях, а тайная агентура католической церкви убивает Иеронима.

Картина «Голубой экспресс» (Совкино, 1929, режиссер — И. Трауберг) поднимает тему роли миссионеров и религии в Китае. В картине, в частности, демонстрируется сюжет, где миссионер, в момент ожесточенной борьбы между рабочими и публикой международного вагона, защищает себя евангелием, за которым он прячет револьвер. Эта сцена, по словам антирелигиозника М. Кефалы, «символизирует в нем сущность религии, прикрывающей лицемерными фразами о мире, равенстве и любви свои истинные классовые интересы» (Кефала 1931: 96).

В фильме «Лесная быль» (1926, Белгоскино, реж. Ю. Тарич), снятом по популярной в то время повести М. Чарота «Свинопас», рассказывается о борьбе с белопольскими оккупантами, захватившими белорусскую землю в 1920 г. Одним из героев фильма является ксендз Жабинский — польский католический священник. Ксендз встречается в фильме не так часто, но каждое его появление демонстрирует лицемерие священника (сцена на веранде с дочерью пана Драбского; сцена обсуждения захвата повстанцев, отправление войска паном на борьбу с большевиками, сцена расстрела крестьян и т. д.).

Несмотря на то, что эти фильмы создавались в соответствии с определенными задачами, имели свои художественные особенности, они дополняют друг друга и являются примечательной кинофиксацией католических традиций в 1920–1930-х гг. В них, на наш взгляд, в настоящее время можно разглядеть те черты, которые лягут в основу своеобразного канона конструирования на экране образа католической церк-

ви, ее служителей и прихожан, как в кинематографе «воинствующего безбожия», так и в более поздний период. Следовательно, для обозначения особенностей реализации советской антирелигиозной политики в визуальном формате является важным ответить на вопросы: Какими средствами в раннесоветском кино разоблачается сущность католической веры? Какие образы конструируются? Как они используются в антирелигиозной пропаганде?

«Праздник святого Йоргена» (1930) Я. Протазанова

Рис. 1. и Рис. 2. «Праздник святого Йоргена». Кадры из фильма. 1930 г.

любопытные контрасты старого и нового (кино и культивисточника, реклама-плакат и слезы святого Йоргена, агитация за социал-демократию и фабрикация святых).

Для анализа образа католической церкви¹ в антирелигиозном кинематографе 1920–1930-х гг. особого внимания, на наш взгляд, заслуживает комедия «Праздник святого Йоргена» («Межрабпомфильм», 1930, режиссер Я. А. Протазанов).

Обращение к этому фильму обусловлено тем, что данная картина завоевала популярность у зрителей и заслужила признание у профессиональных кинематографистов — как в 1930-е гг., когда фильм побил все рекорды советского кинопроката, так и в позднее советское время². Именно в этом фильме католическая церковь становится важнейшим топосом, превращаясь в американизированную и модернизированную церковную организацию³. В кинокартине «Праздник святого Йоргена» наиболее удачной выглядит и режиссерская идея показать антирелигиозные смыслы — способность церкви к приспособлению (мимикрии) через

¹ Понятие «образ католической церкви» в данном случае означает, что складывающийся в культуре образ какого-то объекта не только отражает сам объект, но и является самостоятельным предметом формирования, происходящего под влиянием ряда социокультурных факторов (поэтому образы католической церкви, во-первых, исторически изменчивы, во-вторых, — на основе одного и того же состояния объекта могут быть выстроены его различные (даже диаметрально противоположные) образы).

² В 1982 г. «Праздник святого Йоргена» демонстрировался на Берлинском кинофестивале в рамках программы «Forum», посвященной творчеству Якова Протазанова.

³ Не случайно, антиклерикальная направленность повествования, обличенная в ироничную форму, привела к тому, что папа Римский Бенедикт XV включил произведение о святом в список запрещенных книг.

Сюжет данной картины был заимствован из комедии с тем же названием по пьесе датского писателя Г. Бергстедта «Фабрика святых» (*Бергстед 1963*). Действие картины происходит в городе вымышленной западной страны — Йоргенстадте. В храме святого Йоргена идут приготовления к ежегодному торжеству в честь святого: готовят кинофильм из его жизни в назидание верующим, запасают « волосы » и « слезы » святого, книги с описанием его подвигов. В толпу богомольцев, спешащих к храму на праздник, вмешиваются только что удачно бежавший из тюрьмы международный вор-рецидивист Михаэль Коркис (в исполнении Анатолия Кторова) и его друг Франц Шульц (в исполнении Игоря Ильинского). Во время торжественного богослужения избирается невеста св. Йоргена, получающая по обычанию из сумм храма весьма круглую сумму в 100 000 руб. Избранницей святого, вследствие мошеннической подмены карточек с именами «кандидаток» в невесты, оказывается дочь наместника храма — Олеандра (в исполнении Марии Стрелковой). Коркис, познакомившись с ней в поезде, посыпает к Олеандре с букетом цветов Шульца, который во время визита снимает слепок с храмового ключа. Ночью Коркис проникает в храм и остается там запертым, так как Шульц, спасаясь от полиции, убегает. На утро пышная процессия в сопровождении толп богомольцев направляется к храму, в который св. Йорген — по народному преданию — должен когда-нибудь вернуться. Коркис мечется по храму, не зная, что предпринять, затем бросается к белоснежной мантии Йоргена, лежащей у подножья его статуи и начинает в нее облачаться. «Св. Йорген, услыши моления чад своих», — взывает снаружи наместник. «Слышу, слышу», кричит из храма Коркис. Среди церковников недоумение и замешательство, затем церемония продолжается. «Св. Йорген, исполни свое обещание, вернись к нам», — раздается снаружи. «Я вернулся! Я здесь!» — успокаивает из храма Коркис. Смятение усиливается и превращается в общий ужас, когда на пороге храма показывается Коркис в белой мантии и терновом венце. Церковники — под угрозой потери влияния — оправляются быстро. «Это не святой, это аферист», — размахивая кропилом, вызывает казначей. «Если ты святой — яви нам чудо», — ядовито предлагает наместник, и сотни людей кричат «чудо». При всеобщем ликовании богомольцев и досаде священников Коркис совершают «чудо» — «исцеляет» своего друга Шульца, переодевшегося бродягой-калекой. Чтобы не потерять авторитета и власти, а с ними и доходов, священники вынуждены санкционировать появление святого. Но на негласном совещании они решают устроить новоявленному святому «вознесение к отцу небесному» и, сторговавшись с Коркисом относительно «подъемных» на это предприятие, отправляют его вместе с его «невестой» и Шульцом за границу. А на другой год верующим воссияла новая святыня — в виде «исцеленного» Шульца, получившего звание святого (*Кефала 1931: 96*).

Для визуально-антропологического исследования этот фильм представляет серьезный интерес не только в плане антирелигиозной пропаганды, но и в контексте применения новаторских приемов в кинематографии — использование приема «фильм в фильме» (в прологе священники смотрят заказанное ими кино — «мировой религиозный боевик» — о чудесах святого Йоргена); введение в кадр случайных элементов (попавшие в кадр дачники в сцене с рыбаками); освещение одних и тех же событий с разных точек зрения; наличие звуковой части, представляющей собой рассказ настоятеля храма, повествующего о «чудесном втором пришествии»

св. Йоргена, и немой, демонстрирующей реальное течение событий¹. В картине присутствуют музыка, песни, немногочисленные разговорные вставки, благодаря чему, возникает интересный комический эффект из-за расхождения того, что говорит настоятель храма, рассказывающий о событиях в Йоргенстадте, и тем, что показывается. Титры к фильму были написаны Ильей Ильфом и Евгением Петровым при участии Сигизмунда Кржижановского².

С точки же зрения антирелигиозной пропаганды, направленной против католической церкви, в картине Я. Протазанова можно, на наш взгляд, выделить несколько значимых линий.

Прежде всего, в основе сюжета «Праздник святого Йоргена» лежит традиция антиклерикальной сатиры, высмеивающая пороки католических священников — жадность, хитрость, чревоугодие, блуд, трусость и пр. В качестве своеобразных визуальных «формул» для представления пороков католической церкви используются следующие приемы: показ алчности священников (посредством кадров пожертвования прихожан, поклонения источнику святого, поклонения реликвиям (нетленным мощам, иконам, видения, чудесные исцеления), вербальные характеристики, прописанные в титрах. Так, на празднике в честь святого монахи продают «волосы», «слезы Йоргена»; в храме как предмет поклонения сохраняется его плащ, терновый венец и сандалии. Осуществляется торговля и голосами верующих («если мы отдадим вам голоса верующих, то?...» — «придя к власти, наша партия отменит законы на церковные земли»).

Зритель видит, что в церкви располагается банк, толстые и благодушные монахи цинично поют вместе с богомольцами, пришедшими на праздник: «Скажи нам, Йорген, нас любя, что было б с нами без тебя». Главный персонаж Михаэль Коркис, сын церковника, превращается в коронного вора, международного авантюриста, а сами церковники — показаны как «патентованные слуги капитала», ловко использующие в его интересах, наряду с древнейшими формами обмана (торговля реликвиями, поклонение священным источникам и пр.), самые утонченные средства — вплоть до кино и рекламы. Друг Михаэля Коркиса Франц Шульц в фильме глубокомысленно замечает: «Учись, Михаэль, как надо работать без отмычек». Католические священнослужители характеризуются в титрах, как «наместник храма св. Йоргена, правая рука господа Бога», «казначей храма, смиренный хранитель церковной копейки». Воспроизводится своеобразная «визуальная формула» антисоветской троицы — священник, вредитель, чиновник.

Отношение церкви и прихожан демонстрируется в фильме через контраст нищей жизни народа (люди — тени, фантомы) и богатого убранства церкви и жилых комнат священства. В фильме кадр идущих по дороге верующих сменяется стадом, бредущих по той же дороге, коров. В свою очередь, кадр с коровами сменяется мчащимися машинами с солдатами. Перед этим офицер напутствует солдат: «Не забывайте, что стадо Христово нуждается в присмотре».

Примечательно, что в фильме появляется и совершенно секулярное восприятие христианских святых — святой Йорген показан как актер, который призывает рыбаков стать «ловцами людей». На это обстоятельство в своем антирелигиозном кино-докладе, посвященном фильму «Праздник Святого Йоргена», обращает вни-

¹ Немой фильм «Праздник святого Йоргена», снятый в 1930 г., был переозвучен в 1935 г. (текст к озвученным сценам написал Я. Протазанов совместно с В. Швейцером).

² При выходе фильма в прокат имя С. Кржижановского было удалено из титров картины.

мание и пропагандист М. Кефала. Он апеллирует к книге американского писателя Бруса Бартона «Человек, которого никто не знает», в которой перед читателями предстает новый американализированный, модернизированный Иисус. М. Кефала отмечает: «Бартон рекламирует Иисуса сообразно духу XX века, как первого бизнесмена (дельца), учившего людей, как вести торговые предприятия, как первого проповедника мирового империализма, как «директора», «общественного человека», владевшего в совершенстве искусством рекламы. Бартон и все остальные деловые люди вычитали своего нового Иисуса все из той же библии и, вероятно, недалек тот день, когда на его голову вместо прежнего тернового венца, совершенно потерявшего кредит в глазах деловых людей, оденут модный цилиндр, а на ноги желтые туфли «джимми» с узкими носками. И это будет — только последовательно. Церковь — это лавочка, она работает на потребителя, следит за модой» (Кефала 1931: 96).

Оценка и критика антирелигиозного фильма (по материалам безбожной прессы 1930-х гг.)

Одним из достоинств антирелигиозного кинематографа 1920–1930-х гг. в целом, киноленты Я. Протазанова — в частности, критики и комментаторы считали злободневность сюжета, соответствие произведения «духу времени». В предисловии к пьесе «Праздник святого Йоргена», написанным Е. Ярославским в 1925 г. (Праздник святого Йоргена, 1925), отмечалось, что «...действие (пьесы) происходит во время крепостного права в Северной Германии... Зритель видит *прошлое*... он помнит эти бесконечные паломничества к монастырям, к мощам..., к местам чудовищного обмана народных масс». Кинофильм же «Праздник святого Йоргена» интересен для современников тем, что он показывает *настоящее*, события, развернутые в пьесе, переносятся из средневековой эпохи в современность и соответственно с переменой обстановки меняются персонажи комедии — международный вор-авантюрист, капиталисты-священники, кинематографическая группа, что придает древней легенде о святом Йоргене актуальность.

В своем выступлении весной 1930 г. Е. Ярославский специально подчеркивал действия католической церкви в условиях современной реальности: «Современные церковники извлекли старый хлам и демонстрируют его в качестве святыни. Римская газета «Трибунал» от 17 числа указывает, что после молебства 19 марта молящимся в Риме будут показаны «крест и на нем полотенце, которым Христос вытирал лицо, идя на голгофу, наконечник копья, которым было пробито его тело. Мы предупреждаем трудящихся: *остерегайтесь подделок*» (Кефала 1931: 95).

Анонсы фильма «Праздник святого Йоргена» помещались антирелигиозниками в издании «Безбожник» на одной странице с колонками о заграничных торжественных событиях, посвященных католическим святым. Читателям рассказывали о проведении церковных выставок «святого хлама» («торговле пеленками младенца Иисуса и сорочкой богородицы» и т. п.) в Германии и Франции (Л. К. 1930, Румянцев 1930). Параллельно в ироничной манере освещалась деятельность зарубежных «захарей и целителей»: «Очень громким успехом пользуется в настоящее время в Австрии «целитель» Цайляйс. Этому «целителю» 50 лет. Он объявил себя «специалистом по всем болезням», которые и лечит электризацией. Цайляйс принимает сразу, в течение нескольких минут — 100 человек. Больные, с обнаженной верхней частью тела,

становятся в очередь — в затылок, и «целитель», держа в руках сигару, тут же всех их и «лечит»... Другой австрийский «знаменитый» знахарь носит довольно неблагозвучное прозвище «Ванька-чорт». Этот «Ванька-чорт» определяет болезнь, встряхивая в пузырьке доставленную ему от больного мочу... Практика у него настолько велика, что поезд, с которыми к нему ездят пациенты, получил название «поезда с пузырьками»... В Берлине практикует знахарь Вайсенберг. Способ его лечения не сложен, но энергичен: он из всех своих пациентов изгоняет чертей, для каковой цели и нещадно колотит их (пациентов, а не чертей) палками. Вследствие его «лечения» несколько женщин попали в психиатрическую больницу» (Сегал 1930).

Фильм «Праздник святого Йоргена» комментаторы хвалили именно за занимательность, в которой происходит десакрализация деятельности церкви. Как сообщалось в «Безбожнике»: «актуальность темы в связи с походом папы римского и волной «отечественных» кулацко-поповских чудес, увлекательность действия, здоровая смешливость делают «праздник святого Йоргена» картиной, которую полезно пустить в широкие массы населения» (Ширман 1930). В то же время анализ рецепции данного фильма показывает, что антирелигиозные картины 1920–1930-х гг. не были прямолинейным воплощением официальной идеологии, поскольку между позицией власти и позицией художника неизбежно возникали противоречия. Так, наличие запоминающихся художественных и интеллектуальных эффектов, используемых Я. Протазановым, — высмеивание заграничного павильонного кино в духе Абеля Ганса и Фридриха Вильгельма Мурнау, «караваджинистские» сцены мучения Святого Йоргена, сочетание религиозного пения и джазового номера, смешение католицизма и православия во внешней атрибутике храма и священников в фильме «Праздник святого Йоргена» — остаются незамеченными в антирелигиозных кино-докладах, публикуемых в журнале «Антирелигиозник» и газете «Безбожник». Комментаторов интересует в картине, прежде всего, не кинематографическая поэтика, а ее агитационный потенциал (Шерстнев 2016).

В этой связи, несмотря на присутствие в антирелигиозных картинах, подобных фильму «Праздник святого Йоргена», кинематографических приемов дискредитации католической церкви, по оценкам антирелигиозников, они все-таки не считались достаточно эффективными. Критики-пропагандисты отмечали присутствие в первых антирелигиозных картинах творческих и идеологических ошибок. В этом отношении история антирелигиозного кино, по их мнению, сильно напоминала историю антирелигиозного театра: творческие «неудачи», были в них не только одинаковы, но и совершались приблизительно параллельно. Действительно, для антирелигиозных представлений в первые революционные годы был свойственен антиклерикальных характер. К этому времени относился, к примеру, расцвет антирелигиозного плацата; безбожные басни Д. Бедного, выступавшие ориентиром для многих писателей; постановка «антипоповских» пьес. Между тем, как отмечал Л. Троцкий, антирелигиозная работа не должна ставиться в плоскость «голого богооборчества» (Троцкий 2015: 319). Картина Я. Протазанова, как и многие другие антирелигиозные картины раннесоветского периода, критиковалась за отсутствие выверенного идеологического подхода, предполагающего показ классовой сущности религии.

Так, в обобщающем докладе антирелигиозник Д. Михневич дает следующую оценку фильма Я. Протазанова: «Нельзя назвать шагом вперед «Праздник св. Йоргена», целиком антипоповскую фильму. На примере этой картины особенно ясно видно, что

многие режиссеры недооценивают рост массового советского зрителя: эта картина, выпущенная в 1930 г. и построенная на противопоставлении поповского жульничества жульничеству профессионалов-аферистов, идеологически почти невесома. Тезис «поп-мошенник» уже явно устарел для современного искусства. Успех этой фильмы доказывает лишь то, что наш зритель хочет видеть фильму, так или иначе разоблачающую религию. Надо позаботиться, чтобы в дальнейшем киноорганизации серьезнее подходили к работе над антирелигиозным материалом, изучив при этом и переработав опыт «Праздник св. Йоргена», который, будучи, вообще говоря, неплохой комедией, своей главной цели все же не достиг... Несравненно ценнее фильмы, построенные на конкретном этнографическом и историческом материале» (Михневич 1932: 498).

Пропагандистом М. Кефалой, выступавшего на страницах журнала «Антирелигиозник» с кино-докладами, «Праздник св. Йоргена» критиковался за то, что картина, хотя и смотрится легко и с интересом, «не пробуждает в зрителе ни негодования, ни протesta, ни желания борьбы». По мнению М. Кефалы, докладчику, сопровождавшему показ картины, совершенно необходимо подчеркнуть органическую связь церкви с капиталом, дополнить кино-доклад другими материалами, в частности, использовать тему «Религия на службе капитала». «Следует показать зрителям, во-первых, как тесен союз бога и капитала, показать, как стоящие у власти буржуазные партии от фашистов (Италия) до социал-демократов (Германия, Англия) за верную службу капиталу выплачивают церкви огромные суммы из государственных средств за счет трудящихся. Мало этого, церкви предоставляются различные права и привилегии, вплоть до права калечить подрастающее поколение своими лживыми продажными поучениями (конкордаты)» (Кефала 1931: 96). М. Кефала в заключении отмечает: «Зритель должен быть подведен к выводу, что мошенничество и вымогательства церкви не простое жульничество, над которым можно легко посмеяться. Великий шантаж коренится глубже. Лживая, штрайхбрехерская, продажная проповедь церкви предает интересы пролетариата, а деньги, которые получает церковь, пахнут кровью» (Кефала 1931: 98).

Таким образом, простой показ, даже удачной в художественном отношении «антикатолической фильмы» воспринимался антирелигиозниками в 1920–1930-е гг. как явно недостаточный. Не случайно, одним из главных направлений дальнейшего развития антирелигиозной визуальной политики становится разработка методологического обеспечения создания и демонстрации на экране антирелигиозного материала. В этой связи первоочередное внимание начинает уделяться даже не самим фильмам, а соответствующей политработе и «культурному окружению» в их показе. Антирелигиозные доклады, плакаты, лозунги, красные уголки, викторины и т. п. становятся обязательным атрибутом кинопоказа, выполняют ключевую роль в донесении антирелигиозной информации до зрителя.

Заключение

Как показал проведенный анализ, одной из ключевых задач в научном изучении конфессий СССР в 1920–1930-х гг. был поиск возможных форм их визуализации, в том числе, — с помощью религиозного картографирования, ставшего важным направлением антирелигиозной экспедиционной работы, предпринятой ленинградскими учеными. Этнографические и религиоведческие исследования среди католиков в 1920–1930-е гг. (проводимые, в частности, в рамках «научной секции» Союза

воинствующих безбожников Л. Г. Брандтом), продемонстрировали довольно высокий уровень религиозности среди национальных меньшинств, различную степень их советизации и сложности распространения в пограничных районах антирелигиозных пропагандистских идей, в том числе благодаря активности местных религиозных организаций. Этнографические и религиоведческие исследования выявили и присутствие среди католиков и лютеран в СССР так называемых «культов», то есть элементов бытовой религиозности.

Параллельно с проведением научных исследований осуществлялась разработка визуальных средств конструирования образов различных конфессий (в том числе католичества) в сфере художественного творчества, главным из которых в период «культурной революции» стал кинематограф. Антирелигиозные кинокартины 1920–1930-х гг., высмеивающие католичество или элементы католического культа, — «Овод», «Праздник святого Йоргена», «Голубой экспресс», «Лесная быль», «Крест и маузер» — продуцировали в массовом сознании устойчивые антиклерикальные образы. Наиболее показательным среди этих фильмов являлась картина Я. Протазанова «Праздник святого Йоргена», в которой, используя новаторские кинематографические приемы, в занимательной для зрителя форме, режиссер последовательно выстраивал линию антиклерикальной сатиры.

В целом, сопоставление изучения католического вопроса в СССР в 1920–1930-е гг. в научных исследованиях и антирелигиозной прессе (издания «Антирелигиозник» и «Безбожник»), и анализа кинематографической презентации католической церкви (на примере фильма «Праздник святого Йоргена» Я. Протазанова, 1930), осуществленное в работе, позволяет говорить о корреляции в развитии знания между учеными, пропагандистами и кинематографистами в вопросе (анти)религиозной пропаганды в 1920–1930-е гг. — перехода от научно-исследовательской экспедиционной работы (в сфере академической деятельности) и художественной рефлексии и эстетической программы, близкой к авангардному искусству (в области кинематографии) к проведению планомерной агитационной работы, выстраиваемой на жестких идеологических принципах классовой борьбы с конфессиями.

Источники и материалы

- Бергстед 1963 — Бергстед Г. Праздник святого Йоргена. М.: Госиздат художественной литературы, 1963. 176 с.
- Бонч-Бруевич 1969 — Бонч-Бруевич В. Д. Воспоминания о Ленине. М.: Наука, 1969. 517 с.
- Брандт 1931а — Брандт Л. Антирелигиозная выставка дворца-музея. Гатчина. М.; Л.: ОГИЗ-ИЗОГИЗ, 1931. 21 с.
- Брандт 1931б — Брандт Л. Антирелигиозная работа Ленинградской совпартшколы национальных меньшинств // Антирелигиозник. 1931. № 8. С. 48–50.
- Брандт 1931в — Брандт Л. Лютеранство и его политическая роль. Л.: ОГИЗ Прибой, 1931. 110 с.
- Брандт 1932 — Брандт Л. Католицизм и лютеранство в царской России и СССР // Воинствующее безбожие в СССР за 15 лет (1917–1932). М.: ОГИЗ, 1932. С. 157–164.
- Дунаевский 1932 — Дунаевский Л. Научно-исследовательская работа в области воинствующего атеизма за 15 лет // Воинствующее безбожие в СССР за 15 лет (1917–1932) / под ред. М. Енишерлова, М. Митина. М.: ОГИЗ, 1932. С. 432–462.
- Зильперт 1926 — Зильперт Б. Агитпроп буржуазии // Советский экран. 1926. № 22. С. 5
- К. В. 1922 — К. В. О методах антирелигиозной пропаганды // Псковский набат. 1922. № 243. 25 октября. С. 2.

- Кандидов 1930 — Кандидов Б. Католическая церковь и Октябрьская революция // Безбожник. 1930. № 58 (416). С. 4.
- Кефала 1931 — Кефала М. Антирелигиозный кинодоклад «Голубой экспресс» // Антирелигиозник. 1931. № 6. С. 95–96.
- Кефала 1931 — Кефала М. Антирелигиозный кино-доклад «Праздник святого Йоргена» // Антирелигиозник. 1931. № 4. С. 95–98.
- Кобецкий 1931 — Кобецкий М. Антирелигиозная работа среди национальностей // Антирелигиозник. 1931. № 4. С. 23.
- Л. К. 1930 — Л. К. Церковный театр католического духовенства // Безбожник. 1930. № 49 (407). С. 7.
- Любимов 1930 — Любимов А. Создадим безбожный театр // Безбожник. 1930. № 49 (107). С. 7.
- Маторин 1930 — Маторин Н. М. Краеведение и антирелигиозная пропаганда // Антирелигиозник. 1930. № 1. С. 40–45.
- Антирелигиозник 1934 — Антирелигиозник. 1934. № 5. С. 28–33.
- Михневич 1932 — Михневич Д. Искусство и антирелигиозная пропаганда в СССР за 15 лет // Воинствующее безбожие в СССР за 15 лет (1917–1932). Сб. под ред. М. Ениршлова, М. Митина. М.: ОГИЗ, 1932. С. 485–505.
- Праздник 2025 — Праздник святого Йоргена. Комедия в 4 дейст. по легенде Г. Бергстеда. Предисловие Е. Ярославского. Изд. газеты «Безбожник». М., 1925.
- Румянцев 1930 — Румянцев Н. Аахенская выставка «святого барахла» // Безбожник. 1930. № 17–18. С. 14.
- Сегал 1930 — Сегал А. Знахари и целители // Безбожник. 1930. № 10. С. 16–17.
- Шагурина 1930 — Шагурина Н. Безбожное кино в деревне: Методика и практика антирелигиозной пропаганды через кино. М.: Текакинопечать, 1930. 80 с.
- Ширман 1930 — Ширман К. Праздник св. Иоргена // Безбожник. 1930. № 49 (407). С. 7.
- Ярославский 1930 — Ярославский Е. Науку и технику в помощь антирелигиозной пропаганде // Антирелигиозник. 1930. № 2. С. 76–81.

Научная литература

- Головнев И. А. Визуализация этничности в советском кино (опыты ученых и кинематографистов 1920–1930-х гг.). СПб: МАЭ РАН, 2021. 440 с.
- Головнева Е. В. Антирелигиозный фильм в СССР (по материалам кинопериодики конца 1920-х — начала 1930-х гг.) // Религиоведение. 2023. № 3. С. 150–159.
- Козлов-Струтинский С. Развитие приходской сети католической церкви на Северо-Западе России в 1703–1945 гг. // Этноконфессиональная карта Ленинградской области и сопредельных территорий. Вторые шгреневские чтения. Сб. статей. СПб: «Изд-во Европейский дом», 2008. С. 154–170.
- Токарева Е. С. Ватикан в фокусе советской политики и пропаганды. 1921–1941 годы. М.: Весь мир, 2023. 784 с.
- Троцкий Л. Д. Проблемы культуры. Культура переходного периода: публицистика. М.: Ди-рект-Медиа, 2015. 1063 с.
- Шахнович М. М. Секция по изучению религий народов СССР при Музее истории религии Академии наук СССР (1934 г.) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2013. № 1. С. 202–219.
- Шерстнёв Г. Обличение приема: к прагматике звукового антирелигиозного фильма // Новое литературное обозрение. 2016. № 2 (138). С. 170–181.
- Шкаровский М. В., Черепенина Н. Ю., Шикер А. К. Римско-католическая церковь на Северо-Западе России в 1917–1945 гг. СПб: Нестор, 1998. 302 с.
- Hirsch F. Empire of Nations. Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. London: Cornell University Press, 2005. 392 p.

References

- Golovnev, I. A. 2021. *Vizualizatsiya etnichnosti v sovetskem kino (opyty uchenykh i kinematografistov 1920–1930-kh gg.)* [Visualization of Ethnicity in Soviet Cinema (Experiments of Scientists and Filmmakers of the 1920s — 1930s)]. Saint Petersburg: Muzei Antropologii i Etnologii RAN. 440 p.
- Golovneva, E. V. 2023. Antireligioznyi film v SSSR (po materialam kinoperiodiki kontsa 1920-kh — nachala 1930-kh gg.) [Anti-Religious Film in the USSR (Based on Materials from Film Periodicals of the late 1920s — early 1930s)]. *Religiovedenie* 3: 150–159.
- Hirsch, F. 2005. *Empire of Nations. Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*. London: Cornell University Press. 392 p.
- Kozlov-Strutinskii, S. 2008. Razvitiye prikhodskoi seti katolicheskoi tserkvi na Severo-Zapade Rossii v 1703–1945 gg. [Development of the Parish Network of the Catholic Church in the North-West of Russia in 1703–1945]. In *Etnokonfessionalnaia karta Leningradskoi oblasti i sopredelnykh territorii. Vtorye shegrenevskie chteniia* [Ethnoconfessional Map of the Leningrad Region and Adjacent Territories. Second Shegrevensky Readings. Collection of Papers], ed. by V. M. Grusman, E. N. Kal'shchikov, V. N. Pleshkov. Saint Petersburg: Evropeiskii dom. 154–170.
- Shakhnovich, M. M. 2013. Sektsiia po izucheniiu religii narodov SSSR pri Muzee istorii religii Akademii nauk SSSR (1934 g.) [Section for the Study of Religions of the Peoples of the USSR at the Museum of the History of Religion of the USSR Academy of Sciences (1934)]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 1: 202–219.
- Sherstnev, G. 2016. Oblichenie priema: k pragmatike zvukovogo antireligioznogo filma [Exposing the Reception: Towards the Pragmatics of the Sound Antireligious Film]. *Novoe literaturnoe obozrenie* 2 (138): 170–181.
- Shkarovskii, M. V., N. Y. Cherepenina, and A. K. Shiker. 1998. *Rimsko-katolicheskaiia tserkov na Severo-Zapade Rossii v 1917–1945 gg.* [The Roman Catholic Church in North-West Russia in 1917–1945]. Saint Petersburg: Nestor. 302 p.
- Tokareva, E. S. 2023. *Vatikan v fokuse sovetskoi politiki i propagandy. 1921–1941gody*. [The Vatican in the Focus of Soviet Politics and Propaganda. 1921–1941]. Moscow: Ves' mir. 784 p.
- Trotskii, L. D. 2015. *Problemy kultury. Kultura perekhodnogo perioda: publitsistika* [Problems of Culture. Culture of the Transitional Period: Journalism]. Moscow: Direkt-Media. 1063 p.